

А. К. Голиков

Институт бюрократии в социально-политическом учении Макса Вебера и проблема безопасности современной России

В статье дается веберовский анализ методологических понятий, содержания, форм и механизмов социального действия, а также социальных конструктов, развитых им в модели «идеального типа» бюрократии. Как тип рациональной организации в процессе социального управления идеальная бюрократия выступает в роли беспристрастного технического исполнителя. Однако в условиях роста и усложнения организаций современного общества она часто превращается в господствующую силу, устраняющую верховную власть, парализующую нацию и государство, порождая угрозу общественной безопасности. Особенно эта проблема стала актуальной для современной России.

Ключевые слова: политика, власть, государство, политический союз, бюрократия, иерократия, типы социальных действий, «идеальный тип» бюрократии, общественная безопасность

Albert K. Golikov

Institute of bureaucracy in the socio-political doctrine of Max Weber and the problem of security of modern Russia

The article deals with the consideration of M. Weber's methodological definitions and analysis of the model of «ideal type» bureaucracy. The contemporary bureaucracy as a type of rational organization of society has become already dominated power, paralysed the development of state institutions and influenced on social security. This problem is especially very actual and specific for Russian Federation nowadays.

Keywords: politics, power, state, political alliance, the bureaucracy, the power of the clergy, the types of social action, an «ideal type» of bureaucracy, public safety

Макс Вебер (1864–1920)¹ – выдающийся социолог, политолог, социальный философ, специалист в области истории, политики, права, логики, религии конца XIX – начала XX в.

Труды М. Вебера о политических, экономических и социальных проблемах Германии и современной Европы многочисленны и разносторонни. Они объединены в три сборника: «Собрание политических сочинений», «Собрание сочинений по социальной и хозяйственной истории», «Собрание сочинений по социологии и социальной политике».

1. Методологические принципы и средства веберовского анализа механизма социального действия

Как ученый-социолог М. Вебер определял социологию как науку о социальном поведении, стремящуюся понять, истолковать, социально объяснить внутреннее и внешнее проявление позиции субъекта, ориентированного на поступок или воздержание от него. Развивая определенные отрасли социологического знания – социологию бюрократии, социологию религии, он занимался проработкой методологических понятий, важнейшими из которых были анализ содержания, форм и механизмов

социального действия, а также социальных конструктов, названных им идеальными типами.

Понятие «идеальный тип» выступает средством обобщения многообразия эмпирической действительности. Теоретическая конструкция идеального типа – это воплощение усилий всех научных дисциплин, направленных на представление научного материала в осмысленном понятном виде, чтобы извлечь из него рациональное начало и при необходимости создать мысленную конструкцию этой рациональности из полубесформенного материала.

М. Вебер полагает, что любое идеально типическое обобщение лишено объективности, поскольку создается субъективно, сообразно произвольно избранной точке зрения. «В своей умозрительной чистоте эта мысленная конструкция нигде не может быть найдена в эмпирически исследуемой действительности. Она является утопией. Исторические исследования в каждом конкретном случае имеют целью определить, в какой степени идеальная конструкция приближается или отходит от действительности»².

Конструирование идеальных типов не происходит произвольно и не может противоречить добытому ранее знанию. Иными словами, М. Вебер исходит из субъекта, который подает социальный или исторический материал более

осмысленным, чем он был в опыте реальной жизни «и даже тогда, когда этот смысл в жизни людей не был осознан».

При анализе конструкторов идеального типа он использует категории «**понимание**» (способность субъекта уловить смысловое значение идеального конструктора); «**интерпретирование**» (определение субъективного смысла осмысленных связей, свойственных какой-либо исторической целостности или последовательности событий, посредством системы понятий); «**объяснение**» (раскрытие регулярности, закономерности поступков, социального поведения). Примером идеальных типов являются ремесло, капитализм, церковь, секта, христианство и т. п.

Исходя из разной степени абстракции М. Вебер выделяет три вида понятия «идеальный тип»: 1. Идеальный тип индивидуальных исторических образований (капитализм, западный город); 2. Историческая реальность, проявляемая при многочисленных обстоятельствах (капитализм – бюрократия); 3. Рационально-теоретическая конструкция поступков индивидуального характера (экономическое, политическое, гипотетическое поведение субъектов).

Разновидности идеального конструктора М. Вебер тесно связывает с разработанной им типологией социального действия. Он выделяет четыре типа социальных действий: **целерациональное** (субъект четко понимает свою цель и средства ее достижения, его поведение и средства адекватно сориентированы воспринятой цели); **ценностно-рациональное** (вера в безусловную ценность этого действия независимо от его возможных результатов); **аффективное** – эмоциональная реакция субъекта на объект (любовь, удовлетворенная страсть, ответственное отношение к делу); **традиционное** – привычка, и как следствие – автоматизм действия (обычай, верования).

Смысл целерационального социального действия заключался в умении **самого** субъекта (а не наблюдателя со стороны, как это было замечено у В. Парето) уловить рациональные мотивы и эмоциональное состояние, обращая внимание при этом на понимание субъективного смысла пережитого, придаваемым каждым субъектом своему поведению.

Анализируя социальное действие и конструкцию идеального типа в рамках институционального подхода, М. Вебер сконцентрировал внимание ученых мира на развитии идей государственности, проблемах власти, и, в частности бюрократии. Концепцию «идеального типа» связывает с анализом механизма власти, функционирующего как система отношения «господство–подчинение». Из всего многообразия этого

отношения, охватывающего все виды деятельности по самостоятельному руководству, особое внимание уделяет научному анализу механизма политического руководства, формулируя ряд понятий, входящих в этот механизм (политика, власть, государство, политический союз, бюрократия, иерократия).

Политика – означает «стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государством, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые они в себе заключают»³. **Власть**, в его понимании, есть иерархизированная система «господства–подчинения», обусловленная шансом действующего лица навязывать свою волю другому индивиду даже при условии сопротивления со стороны последнего. **Государство** – инстанция, претендующая на «единственный источник права – на монополию легитимного физического принуждения». Это политический «союз господства», организованный по типу учреждения, объединивший под своим руководством всех сословных функционеров с их полномочиями и благодаря монополизации легитимного физического насилия как средства господства занявший вместо них самые высшие позиции, где «все средства политического предприятия фактически в распоряжении единственной высшей инстанции».

Поскольку основой политического механизма действия власти является **политическое господство**, М. Вебер описывает его типы и сопоставляет с типами поведения субъекта. Политическое господство означает повиновение определенному приказу. Более того, господство предполагает, что его приказ будут повиноваться.

В соответствии со своей методологией он выделяет три типа «внутренних оправданий», т. е. «оснований легитимности» политического господства.

Первый тип легитимного господства М. Вебер называет **традиционным**. Традиционное господство основано на вере не только в законность установленных правил поведения подчиненных, но, прежде всего, на вере в авторитет «вечно вчерашнего»: «авторитет нравов, освещенных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение». Источником личной преданности государю является традиция и признание его формального права. Для традиционного господства характерно отсутствие формального права.

Он подразделяет традиционное господство на **геронтологическое** (господство мудрецов, святых старцев), **патриархальное** (господство

монарха, домашних чиновников, родственников, личных друзей или лично верных ему вассалов, как правило, неподготовленных к делам управления поданными – по своей структуре этот тип сходен со структурой семьи, что делает особенно прочным и устойчивым этот тип легитимности) и **патримониальное** (господство сословия, дворянства, аристократии).

Вторым типом оснований легитимности, по Веберу, является **харизматическое** господство. В его основе – иррационалистические мотивы поведения лидера, дарованные богом экстраординарные качества индивида, к которым Вебер относит его магические способности, «авторитет внеобыденного личного **дара**⁴ (Gnadengabe)», выдающуюся силу духа и слова. Харизмой обладают герои, полководцы, маги, пророки и провидцы, выдающиеся политики, основатели мировых религий и другие типы (например: Будда, Христос, Магомет, Солон, Ликург, Цезарь и т. д.).

Верный своим познавательным принципам, он рассматривает харизму совершенно безотносительно к содержанию того, что возвещает, за что выступает, что несет с собой харизматический лидер, т. е. он подчеркнуто безразличен к ценностям, вносимым в мир харизматической личностью⁵. Власть харизматического лидера не основана ни на законах, ни на традиции, а только на той миссии, которую он определил себе в качестве цели. Степень легитимности харизматического лидера определяется масштабами его успехов.

Так как роль масс в политическом процессе ограничивается лишь участием в избрании харизматического лидера, М. Вебер отказывает им в праве осуществлять контроль над бюрократией снизу. Эти функции граждане делегируют харизматическому лидеру, который осуществляет контроль за деятельностью бюрократии сверху; одна из главных его задач – борьба с бюрократией, необходимая для преодоления олигархического принципа правления. Необходимость появления лидера с харизматическими качествами он связывает с условиями вступления страны в полосу длительного кризисного развития, затрагивающего все сферы жизнедеятельности.

Третий тип легитимного господства – **рациональный**, означающий «господство в силу „легальности“, в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой компетенции, обоснованной рационально созданными правилами». Господство осуществляется на основе закона, а не подчиненности конкретному лицу. Рациональность, в веберовском понимании, – это формальная, функциональная реальность, т. е. свободная

от всяких ценностных моментов. Это и есть легальное господство.

Поскольку формальная рациональность в себе самой своей цели не несет и всегда определяется через что-то другое, на этом основании легальное господство не имеет достаточно сильной легитимности и должно быть подкреплено чем-то другим – традицией или харизмой. На политическом языке это будет звучать таким образом: парламентская демократия, признаваемая классическим либерализмом как единственно правомерно законодательным (легитимирующим) органом.

Возникновение легального господства связано с появлением общеобязательных для всех законов, в том числе и для властвующих. Чиновники в такой системе выбираются или назначаются согласно правовым процедурам. Именно поэтому, полагает М. Вебер, легальное господство лучше других отвечает требованиям устройства рационального общественного порядка.

В арсенале методологических исследований М. Вебера значительное место занимают теоретические вопросы, связанные с социальным поведением индивида, что в значительной степени углубляет концептуальное понимание человека в системе регуляции общественных отношений, особенно в контексте связи индивида и общества, личности и государства. Его заслуга в развитии идей государственности состоит в том, что, анализируя социальное действие в рамках институционального подхода, он сконцентрировал внимание ученых мира на проблемах политической власти, и в частности бюрократии, с ее особой ролью в функционировании государства.

2. Веберовская модель «идеального типа бюрократии»: плюсы и минусы ее реализации

Описание привилегированной роли и функций бюрократии в управлении обществом дало мощный импульс для появления элитарных теорий государственности. С помощью этих теорий ученые пытались разрешить проблемы порядка и конфликта, опираясь на деятельность совершенно особого слоя общества – элиты, превращающейся в своеобразный институт политической власти, который обладает своими особыми качествами, свойствами, законами функционирования и развития.

М. Вебер построил **модель «идеального типа бюрократии»**. Она характеризуется им как жесткая система вертикальных связей, коммуникацией, основанная на специализации,

регулируемой разделением труда, системой строго определенных правил и методов выполнения задач, которых придерживается субъект. Согласно этой модели, идеальная бюрократия выступает в роли беспристрастного технического исполнителя в расчлененном на составные элементы процессе управления.

Обладая специальными экспертными знаниями, бюрократия принимает рациональные решения, руководствуясь при этом определенной последовательной системой абстрактных правил, исправно применяя эти правила к частным случаям. В этом смысле он рассматривал бюрократию в иной перспективе, нежели К. Маркс, т. е. не как специфический социальный тип власти, а как способ ее организации, тесно переплетенный, в частности, с капиталистической рациональностью.

Согласно его концепции, оба типа бюрократии: «бюрократия как тип власти и бюрократия как тип организации» – взаимодействуют, взаимопомогают и в то же время противостоят друг другу. Под последним М. Вебер имеет в виду «машину управления», машину в буквальном смысле слова, но «машину человеческую», у которой нет никакого интереса, кроме «интереса дела». Однако, подобно всякой машине, организация управления нуждается в программе. Сама же она, будучи структурой формально-рациональной, такой программы не имеет. Поэтому программу может ей задать только политический лидер, ставящий перед собой определенные цели и вступающий в идеологическое противоборство с другими политическими лидерами, руководствуясь определенными идеологическими ценностями в «конфликте ценностей».

Исходным пунктом анализа бюрократии и роли политического лидерства для теорий этого направления М. Вебер считает фактор роста и усложнения организаций в современном обществе. Подобно тому, как крупные предприятия для своего успешного функционирования нуждаются в аппарате, который мог бы осуществлять организацию, координацию, циркуляцию, контроль за принятием решений и эффективностью их исполнения на всех уровнях, так и феномен бюрократии характерен для всех сфер государственной жизни, особенно для сферы политической жизни. Это означает также, что «независимо от области деятельности и ее уровня, корпоративного или государственного, структура бюрократии всюду одна и та же».

Историко-политические исследования М. Вебера сделали для него очевидным факт относительной независимости бюрократии от политических форм. Он прослеживает ее су-

ществование как в аристократических, так и в демократических режимах; как в авторитарных, так и в либеральных формах правления. Рассматривая государственную бюрократию как основу современной теории принятия политических решений, он полагал, что в идеале современная бюрократия способна ответить на «вызовы» цивилизации и крайности демократизации. Рационализация ею системы экономического и социально-политического управления дает возможность уменьшить фактор личного произвола, пристрастия некомпетентного управления и осуществить отбор кадров на основе компетентности и деловых качеств.

Вебер выделяет основные черты и принципы «идеального типа бюрократии»:

- **иерархия** (контроль на всех уровнях власти вышестоящими звеньями системы за нижестоящими; это четко очерченное поле компетенции, определенная область полномочий, которая ставит чиновника в положение ответственности за свои действия перед вышестоящим начальником);

- **безличность** (выполнение работы в соответствии с определенным набором правил, исключающих как произвол, так и фаворитизм; безличность бюрократии дает возможность определять и контролировать функциональную направленность административного аппарата, деятельность которого должна «соответствовать постоянным правовым нормам и рациональной калькуляции»);

- **постоянство** (гарант служащим, отделенным от собственности на средства управления, полной занятости на длительное время и перспективы их стабильного продвижения по службе);

- **экспертиза** (отбор служащих по профессиональным качествам и обеспечение должного специального обучения);

- **оценка** (вознаграждение деятельности чиновника в форме определенных отношений к себе со стороны начальства и между собой в форме обеспечения определенного уровня его жизни и длительности службы в организации);

- **кооптация** (назначение, а не избрание служащих высшим по должности, не исключаяющее их зависимость от воли множества избирателей и соблюдение иерархической дисциплины);

- **социальный престиж** (гарант служащему специальным статусом некоторых прав и привилегий).

Управление с помощью профессиональных экспертов, по М. Веберу, становится насущной потребностью для всех политических систем независимо от их типа и политического режима.

В случае нарушения или отсутствия хотя бы одного из перечисленных принципов, реализация идеального типа бюрократии оказывается под угрозой.

Чиновник, находящийся на службе, ощущает себя неким безличным средством в реализации той или иной объективной цели, а не подчиненным какому-либо конкретному лицу. Такой целью может быть либо предприятие, на котором он работает, либо партия, приверженцем идей которой он мог являться, либо государство. При этом обязательным фактором, сопутствующим реализации этих целей, является наличие некоторой совокупности культурных ценностей, выраженных в программе и идеологии предприятия, партии, государства.

Поскольку функции служащих иерархизированы и интегрированы в общую систему на всех уровнях власти (нижестоящие звенья системы контролируются вышестоящими), становится возможным контроль за содержанием принятого решения и выполнением его на любом уровне иерархической лестницы.

На основе структурно-функциональной характеристики «идеального типа бюрократии» М. Вебер выделяет его **четыре атрибутивных качества**: 1) **предвидимость** результатов принимаемых решений; 2) **рациональность** иррациональных моментов поведения; 3) **нивелировка** социальных экономических различий, свободный и равный доступ граждан к управлению независимо от социального и экономического положения; 4) **неуничтожимость** аппарата.

Одним из главных достоинств бюрократии, по Веберу, является предвидимость результатов принимаемых решений и рациональный способ управления делами. Именно такого рода качества государственной бюрократии способствуют обеспечению порядка в обществе во множестве раз лучше любой иной структуры господства. «Современный чиновник, – писал Вебер, – постоянно и непременно в возрастающей степени профессионализируется и специализируется соответственно рациональной технике современной жизни. Вся бюрократия земного шара идет этим путем», и ей «принадлежит будущее»⁶.

Итак, необходимость бюрократизации общества в положительном смысле, вызванная неизбежным разрастанием капиталистических организаций и усложнением их функций, по М. Веберу, становится насущной потребностью для всех крупных организаций (промышленности, профсоюзов, политических партий и т. п.) независимо от их типа и политического режима.

В то же время, рассматривая разные модели

бюрократии (патримониальную, рационально-буржуазную и бюрократию вообще), Вебер отмечает их недостатки и формальные свойства: безличность; неспособность выдвинуть из своей среды политического лидера; централизация, часто выходящая за пределы рациональности; узкая специализация; регулируемость социальных действий жесткими законами, указами, предписаниями и т. п.

Например, жесткая иерархия уменьшает возможность доступа новых идей и информации о практических проблемах в верхние эшелоны власти; строгая приверженность правилам порождает косность, негибкость организационных структур; создание особых привилегий, связанных с должностным положением служащих, способствует возникновению и развитию у них консерватизма мышления, тщеславия, безответственности и гипертрофированного чувства власти. Сам термин «бюрократия», в таком понимании, несет в себе отрицательное содержание и звучание. «Там, – замечает Вебер, – где современный вышколенный специализированный чиновник приходит к власти, его власть оказывается прямо-таки несокрушимой, так как тогда вся организация элементарнейшего жизнеобеспечения приспосабливается к его способу ее осуществления»⁷.

История свидетельствует: новые политики, приходящие легитимно к власти, всегда имеют перед собой сплоченный, опытный, хорошо организованный аппарат, сведущий во всех профессиональных и политических делах, – государственную бюрократию. С первых же дней после победы на выборах политическая элита, по существу, отделена от народа стеной всемогущей бюрократии. Даже те из политической верхушки, кто приходил к власти с намерением покончить с коррупцией, привилегиями и злоупотреблениями старой власти в интересах народа, часто оказываются в плену бюрократизации, так как бюрократия действует не по законам, которые устанавливают легитимные политические верхи, а по своим собственным законам. Однако М. Вебер не исключает и других обстоятельств, когда чиновники, относительно легко приспосабливаясь к личности вождя, оказываются под сильным воздействием его демагогических качеств. Это объясняет он тем, что «материальные и идеальные интересы чиновников находятся в тесной связи с ожидаемым получением при его посредстве партийной власти, а труд ради вождя сам по себе приносит огромное внутреннее удовлетворение»⁸.

Еще до Вебера исследователи выделяли отрицательные черты бюрократии. Например, К. Маркс, рассматривая государственную бю-

рократию как «особое, замкнутое общество в государстве», указывал на опасность ее превращения из служанки общества в замкнутую касту, стоящую над ним. Бюрократическая элита, писал он, – это «круг, из которого никто не может выскочить», в нем «тождество государственного интереса и особой частной цели выражено в такой форме, что **государственный интерес** становится **особой** частной целью, противостоящей другим частным целям», в итоге «действительная цель государства... представляется бюрократии **противогосударственной** целью»⁹.

Г. Спенсер считал, что властвующая организация чиновников, используя лозунги либерализма, «перейдя за известный фазис развития, становится несокрушимой»¹⁰. В начале XX в. он заметил крайнюю степень административного чуждого российской бюрократии.

С позиции проделанного им анализа института бюрократии, с учетом актуального для того времени открытого Р. Михельсом «железного закона олигархии», М. Вебер подверг сомнению демократический характер функционирования английской парламентской демократии, которая многими исследователями рассматривалась как модель успешной демократии. В массовых обществах, делает он вывод, «цезаристский элемент» является неискоренимым, который чаще всего исходит не столько от вождя, сколько от «многоголовой» тирании чиновничества. О причине несокрушимости и бесперспективности борьбы с государственной бюрократией он писал: «Всякая борьба с государственной бюрократией бесперспективна потому, что нельзя призвать на помощь ни одной принципиально направленной против нее и ее власти инстанции. <...> Государственная бюрократия, если даже уничтожить частный капитализм, господствовала бы одна. Действующие в настоящее время наряду друг с другом и в меру своих возможностей друг против друга, следовательно, постоянно держащие друг друга под угрозой, частная и общественная бюрократия слились бы тогда в единую иерархию»¹¹.

Единственный способ ограничения произвола бюрократии – регулярная ротация, пропорциональная замена через определенный срок квалифицированных кадров управленческого аппарата и контроль за ними со стороны политической системы и демократических институтов.

М. Вебер предлагает теорию плебисцитарной демократии, с помощью которой, по его мнению, можно было бы избежать тирании бюрократов. В рамках этой теории народу и отдельным индивидам отводится роль участника политического процесса. Единственная форма

политического участия для масс – это участие в выборах и реализация права на голосование¹². Плебисцит, по его убеждению, может сообщить политическому лидеру ту силу легитимности, которая позволит ему проводить определенным образом ориентированную политику, а также поставить государственно-бюрократическую машину на службу определенным ценностям. Понятно, что для этого политический лидер должен быть харизматически одарен, ибо в противном случае он не может получить одобрения плебисцита.

В работе «Политика как призвание и профессия» М. Вебер раскрывает типическое своеобразие профессионального политика, политического деятеля-вождя и его окружения (конституэнтов). В прошлом профессиональные политики появляются в ходе борьбы князей с сословиями. Политический вождь в этой борьбе опирался на неполитические слои несословного характера: клириков, грамматиков, придворную знать, патрициат, юристов, журналистов.

Особую роль в политической жизни общества играет журналистика. Делая краткий набросок социологии современной политической журналистики, М. Вебер обращает внимание на профессиональную ответственность журналиста, на судьбу его политического профессионального призвания. Он подчеркивает, что «связи прессы с силами господствующими в государстве и в партиях оказали самое неблагоприятное действие на уровень журналистики. Для всех современных государств имеет силу положение, что политическое влияние работника-журналиста все уменьшается, а политическое влияние владеющего прессой магната-капиталиста все возрастает... Однако при всех обстоятельствах журналистская карьера остается одним из важнейших путей профессиональной политической деятельности»¹³. Это положение М. Вебера остается актуальным и до сих пор. Журналистике принадлежит особая роль в борьбе за национальную безопасность и с негативными бюрократическими проявлениями.

В этой связи важной для М. Вебера становится задача раскрыть действительное отношение между этикой и политикой. Он задается вопросом: «Неужели между ними нет ничего общего?». Как установить на земле абсолютную справедливость? Кто **может** иметь «призвание к политике»? По Веберу, подлинного человека-политика характеризует умение соединить этику убеждения и этику ответственности, которые «не суть абсолютные противоположности». Тот, кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией,

«должен осознавать этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из **него самого**. Он... спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия... Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. <...> Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подлым для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать „и все-таки!“, лишь тот имеет „профессиональное призвание“ к политике»¹⁴.

Три качества для политика являются решающими: **страсть, чувство ответственности, глазомер**. Страсть – ориентация на существо дела со страстной самоотдачей. Ответственность – главная путеводная звезда политической деятельности, решающее психологическое качество политика; глазомер – способность к внутренней собранности и спокойствию поддаться воздействию реальностей, сила политической личности, полное обуздание души.

В политике, считает М. Вебер, существуют три рода смертных грехов: **тщеславие** («род профессионального заболевания», характерный для чванливой безответственной бюрократической клики), **уход от существа дела и безответственность**, неделовитость. «Безответственность ведет к наслаждению властью как таковой, вне содержательной цели... власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть поэтому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы, чем бахвальство выскочки властью и тщеславное любовование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой»¹⁵.

3. Современная бюрократия и проблема российской безопасности

Русское сознание всегда испытывало радикальное недоверие к чиновникам-бюрократам и ко всякого рода «исполнителям» закона. Накануне двадцатого столетия выдающийся русский философ, государствовед Б. Н. Чичерин писал: «Бедная Россия! А сколько в ней было хороших сил! Сколько благородных стремлений! И как, в сущности, легко было бы правительству, понимающему свое призвание, править этим добрым, умным, податливым, но вместе энергичным и даровитым народом! Нужно только, чтобы оно покровительствовало не тому, что есть в нем худшего, а тому, что есть лучшего, не раболепству и угодничеству, а здоровым и независимым элементам... Для всякого мыслящего наблюда-

теля современной русской жизни очевидно, что главное зло, нас разъедающее, заключается в том безграничном произволе, который царствует всюду, и в той сети лжи, которою сверху донизу опутано русское общество. Корень того и другого лежит в бюрократическом управлении, которое, не встречая сдержки, подавляет все независимые силы и, более и более захватывая власть в свои руки, растлевает всю Русскую жизнь»¹⁶.

Русское народное мирозерцание всегда тяготело к социальному государству, которое бы заботилось о поддержании социального строя и системы его жизнеобеспечения. Народ хорошо понимал, что бюрократия, чиновничество как господствующая сила, чаще всего заменяющая верховную власть, парализующая нацию и государство, в условиях роста и усложнения организаций современного общества создает угрозу безопасности страны.

История конца XIX в. полна примеров борьбы славянофилов, западников, радикалов-революционеров с государственной бюрократией. Однако результаты этой борьбы во многом могли разрешиться и разрешались в пользу бюрократии. Замена самодержавия конституционным правлением, чего требовали либералы-западники, в конечном счете привела бы к власти именно профессиональных управленцев, т. е. того же бюрократического аппарата. При этом чиновничество могло на совершенно законном основании воровать и еще обеспечивать себе защиту ссылками на свободу, «права» личности (как это и случилось после разрушения либералами-западниками Советского Союза под лозунгами свободы прав личности, частной собственности и закрепления их законом). Даже радикальные революционеры стремились подчинить всю русскую жизнь государству, т. е. все той же бюрократии. Однако как ни парадоксально, но только убежденные монархисты-славянофилы вечно конфликтовали с бюрократическим аппаратом монархии. Они больше всего вызывали опасение у него, требуя участия нации в решении ее жизненно важных вопросов¹⁷.

Проблема борьбы с коррумпированной бюрократией особенно актуальна в условиях экономического кризиса для современной России.

Некоторые СМИ вполне справедливо, на наш взгляд, обратили внимание на негативные стороны единоличной президентской власти современной России. Нельзя не заметить, отмечают они, что президентская вертикаль, становясь орудием личной власти, при которой решение сложных проблем государства не под силу одному президенту, может породить несовместимость централизации власти с федера-

тивным устройством российского государства. При таких условиях есть вероятность полной победы коррумпированной бюрократии, если учесть, что в условиях ельцинского правления она, как никогда, приобрела свой отвратительный облик. Именно она стоит сейчас на пути интересов народа.

Ныне в России существует огромный чиновничий аппарат: на 143 млн граждан только на федеральном уровне приходится 1,6 млн чиновников (ср.: в СССР на 300 млн – 663 тыс.). Сегодня победа государственной бюрократии в политическом плане означала бы установление тоталитарной диктатуры.

Укоренившийся бюрократический, номенклатурный капитализм, паразитирующий на индустриальном наследии развитого социализма, встал шлагбаумом на пути развития образования, культуры, науки, научно-технического прогресса (по причине бюрократических запретов и волокит лишь 5% наших предпринимателей внедряют научно-технические достижения). За последние десятилетия закрыты десять тысяч школ. Ежегодно только в сельской местности прекращают свое существование более 600 школ. Министр образования успешно реализует идею превращения России в безграмотную страну.

Как уже отмечалось, отношение М. Вебера к негативным проявлениям бюрократии объяснялось не только тем, что она не способна выдвинуть из своей среды политического лидера, но и тем, что бюрократия кристаллизуется в корпорацию-сословие с собственными интересами и не нейтральна, что чаще всего ее интересы совпадают с интересами господствующих сословий, как это было в Германии, в России в начале XX в.¹⁸

Современная бесконтрольная российская чиновничья рать превратилась в особое корпоративное «сословие» и, находясь на службе, занимается своим бизнесом, вывозя за границу нажитые коррумпированным путем миллиардные состояния. Сегодня Россия закупает 50% необходимых ей продуктов, переходя границу безопасности, равнозначную безопасности военной. Поклонение «золотому тельцу», деньгам порождает в душах людей меркантильность, жажду обогащения. Большинство средств массовой информации, по словам писателя Ю. Бондарева, делает все для того, чтобы «отвлечь народ от насущных проблем и помочь бежать оглупленному человеку в мир сладких иллюзий и снов, в сумасшедший рай сексуальных похаждений»¹⁹.

Более того, часть «либеральных» политических лидеров, сросшаяся с властвующей бюро-

кратической элитой, прикрываясь фальшивым флагом либерализма, демократии и свободы, поставила под тотальный контроль партийные механизмы и СМИ. Играя ключевую роль в составлении «повестки дня» и подготовки политических решений, используя ресурс власти, демократическую риторику и избирательную технологию, она успешно манипулируют электоратом, парализуя его волю, не давая понять реальные политические процессы²⁰.

Преступный облик псевдолибералов и псевдодемократов начинает осознаваться обществом. Объективные и независимые экономисты, социологи, политологи со временем полностью восстановят подлинную картину их «либеральных инноваций». Мир содрогнется, узнав точные масштабы осуществленного ими «социального каннибализма» и геноцида своего собственного народа в мирное время. То, что произошло со страной, – это не кризис истинного социализма, а результат политического и духовного банкротства преступного руководства правительства горбачевых, ельциных, яковлевых, шеваднадзе, предательски сдавших вместе с ренегатами от партийной советской бюрократии под тотальный контроль Запада великую державу. В одном из ежегодных президентских посланий правительству В. Путин, косвенно осуждая инициаторов Беловежского соглашения, назвал разрушение Советского Союза «величайшей геополитической катастрофой».

Внедрение в России негативных ценностей Запада, осуществление идеологической западнизации страны, искусственно и насильственно проводимых с начала разрушения СССР и по сей день, привели к дискредитации в глазах народа не только истинных либеральных, консервативных, социалистических социально-политических ценностей, но и, что более важно, национально-духовных ценностей. Если «верхи» в лице правительства национальной идеей объявляют «конкурентоспособность», то эквивалентом таковой для «низов» становится и может быть только «выживание».

Ликвидация российской цивилизации, превращение России в колонию Запада в ближайшее десятилетие является стратегической задачей единой наднациональной финансовой капиталократии.

Сравнивая идеалы русских либералов, консерваторов, социалистов XIX – начала XX в. с реализованными ныне «либеральными» идеями «переустройства» России, нетрудно понять сущность великой трагедии советского народа конца XX столетия. В специальном «Обращении президента В. Путина 4 сентября 2004 г.» в связи с очередной страшной трагедией в городе

Беслане 3–4 сентября 2004 г. Президент заявил, что была «великая держава – гигант Советский Союз». Теперь, после смерти этого «гиганта», мы живем «в условиях переходной экономики, в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жестко подавлялись господствующей идеологией». По случаю такого откровения, естественно, возникает вопрос: кто довел его до «нежизнеспособности, слабости в условиях быстро меняющегося мира», когда «хотят оторвать от нас кусок пожирнее»²¹?

В последнее десятилетие власти и СМИ внушали нам, что страна осуществила прыжок из «царства необходимости» в «царство свободы» и политической стабильности. Заверялось, что мы уже живем в демократическом обществе, но на деле, оказывается, что живем все же еще в «не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системе» и «имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России, с тотальной, жестокой и полномасштабной войной»²².

Разве это не плоды реформаторской деятельности псевдолиберального руководства и многочисленной чиновничьей армии, не проявившей, по словам В. Путина, «понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом», переставшего «уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности», позволившего «коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы», а в итоге, «наша страна – с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей – в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока»²³.

Совершенно другие результаты реформаторской деятельности мы видим у современных руководителей Китая. Великий «архитектор перестройки» Дэн Сяопин, столетие со дня рождения которого недавно отмечалось в Китае, на основе сочетания либеральных, консервативных и социалистических идей с китайской действительностью указал пути построения социализма «с китайской спецификой». В конце 70-х гг. он высказал соображения принципиального характера о соотношении плановой и рыночной экономики, выдвинув принцип «либеральная экономика без либеральной демократии». По убеждению Дэн Сяопина, «рыночная экономика не является синонимом капитализма». Экономический базис социализма составляет плановая экономика, которая существует в сочетании с рыночной. Он был уверен, что только социализм в слаборазвитой стране может обеспечить преодоление вековой отсталости, поскольку «производство при социализме ведется

не в целях эксплуатации, а в целях максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей народа». Благодаря этим особенностям социалистического строя у народа «есть общий политический, экономический и социальный идеал, общие нормы морали. Ничего этого в капиталистическом обществе никогда не может быть»²⁴.

Китайский опыт реформирования социума полностью опровергает вывод противников социализма о неспособности социализма к эффективной организации экономики, продвижению к свободе и прогрессу. Практика китайского руководства и ряда западных стран показала, что и либерализм (с его признанием индивидуальной свободы личности, частной собственности, рыночной свободы), и консерватизм (с присущим ему традиционно-охранительным государственным началом) благоприятно уживаются с социализмом (с его признанием коллективистских начал и общественной собственности). Все это доказывает, что каждое из этих идейных течений в своем истинном выражении, являясь необходимым элементом цивилизации, может быть рационально интегрировано своими положительными сторонами с двумя другими идеологиями.

Те, кто отказался от понимания социализма как постоянного фактора, как неотъемлемой составляющей мировой цивилизации, глубоко ошибаются. Известный политолог В. Гуторов, на основе нового прочтения М. Вебера, высказал вполне справедливую мысль: «Теория М. Вебера, в рамках которой социализм всегда рассматривался в качестве постоянного фактора развития современной цивилизации, во всяком случае, не дает никаких оснований для вывода о том, что этот фактор станет менее значимым в будущем... Новое экономическое и политическое пространство, поспешно названное „постсоциалистическим“, возможно, еще даст рождение новым социальным экспериментам, в которых социалистическая составляющая будет играть далеко не традиционную роль»²⁵. Более того, не только в будущем, но и сегодня социалистический элемент в современных западных обществах, странах Азии, Африки и Латинской Америки не только не утрачивает своего значения, а, напротив, упрочивает свои позиции, являясь главнейшим фактором гуманизации общества в целом.

Противники социализма, типа Ф. Хайека, К. Поппера, Дж. Сороса и их последователи в России, авторы антисоветского проекта, вроде Е. Гайдара и А. Чубайса, расценивают намерение социалистов установить распределительную справедливость как посягательство на свободу личности.

Однако пример «реформирования» нашего государства убеждает нас в том, как нетрудно сформировать небольшие группы мультимиллионеров и мультимиллиардеров (олигархов), сконструировать общество «мини – макси» (нищета у одних и излишества у других) и как сложно создать общество **всеобщего** благосостояния, обеспечить устроение справедливой жизни, что и было приоритетной политикой в Советском Союзе.

По словам нобелевского лауреата В. Леонтьева, в отличие от Запада, плановое хозяйство в СССР обеспечивало права на пенсию, низкую квартплату и бесплатные услуги, защищало самых бедных от безысходной нищеты. Отвечая критикам советской системы, защитникам полной свободы рынка, выступавшим против «вмешательства» государства в экономическую жизнь, он замечал: «... даже в Европе, где производство развивается по дарвиновской теории естественного отбора, где почти 50 процентов национального дохода производится в государственном секторе, есть механизм в лице государства, который старается смягчить удары конкуренции, как-то направлять и регулировать жесткие законы рынка»²⁶.

Идеал личной свободы никогда не перестанет быть ценным для человека. Возможность мыслить, решать, действовать, возможность выбора рациональных путей формирования сознания, расцвета индивидуальности – таков идеал свободы личности. Он провозглашается главной целью не только либералов, но и социалистов. В основе этой свободы лежат не только индивидуальные, но и общечеловеческие потребности, интересы и обусловленный ими исторически непреходящий характер нравственных норм (сознание общественного долга, вера в социальную справедливость, общественная солидарность), без которых не может быть никакого плодотворного коллективного действия.

Важнейшими элементами социализма являются: кооперация, профессиональные ассоциации, принимающие на себя права и полномочия в деле контроля над промышленным производством, организации постепенного обобществления, кооперации частных, коммерческих форм хозяйственной жизни и дальнейшей ее демократизации. Социалистическая демократия находит свое выражение в системе государственного управления.

Критикуя анархическую позицию, согласно которой государство при социализме ликвидируется как орган угнетения господствующего класса, социалисты считают, что «выскочить из государства невозможно». В условиях социализма государство наполняется новым содер-

жением, представляя собой «форму совместной жизни людей и орган управления», выступающего в роли справедливого распределителя общенародной собственности, гаранта социальных прав и свобод граждан. Социализм не допускает **монополии** частной собственности, той свободы рынка, которая ущемляет и подрывает основы социальной справедливости и всеобщего блага, разрушает нравственные устои общества.

Политическая форма государств, по мнению современных социалистов-демократов, со всей очевидностью показывает будущее политическое устройство при социализме. В нем сохраняются парламент, пропорциональное представительство от оппозиционных партий, всеобщее народное законодательство, т. е. все те обстоятельства и условия, при которых переход на высшие ступени развития общества мог бы осуществляться мирно и «без конвульсионных потрясений» (без гражданских войн и насилия, через осуществление серии больших и малых реформ).

Историческая практика показала, что такой путь возможен. Современная социал-демократия, возникнув первоначально как реформистское направление и идейно-политическое течение, постепенно превратилась в мощную влиятельную силу современных западноевропейских государств с оформленной доктриной «демократического социализма». Основатели этой доктрины, признавая реформизм основной социалистической стратегии последовательной демократизации («демократического давления»), были уверены в адаптивности капитализма к новым условиям. Они полагали, что на более высокой ступени развития средств общественного производства он дорастет под влиянием демократических общественных движений до реально существующего социализма, до необходимости упразднения классовых различий, и сам, без революционных переворотов, эволюционирует в социализм как позитивный идеал социальной организации. Но они не могли себе представить, что на определенном этапе социального прогресса вновь наступит регресс и восторжествуют все негативные проявления капитализма.

А. Зиновьев, один из видных мыслителей нашего времени, в своей книге «Идеология партии будущего» (2003 г.) утверждает, что после крушения СССР началась эпоха эволюционного спада, эпоха идеологии антикоммунизма и тотальной социальной реакции, угрожающей всему человечеству. «Возникновение советского коммунизма, – отмечает он, – было колоссальным прорывом в социальной эволюции человечества... В этот период и в этом месте люди

опередили „нормальный“ ход эволюции более чем на столетие. Физическое убийство советского коммунизма означало уничтожение социальной „точки роста“ человечества... Избавившись от эволюционного конкурента, Запад немедленно распрощался со всеми социальными „завоеваниями“ (социалистическими, но и в значительной мере с демократическими), которых западные люди добились под влиянием реальных достижений советского коммунизма»²⁷.

Итак, по Зиновьеву, западный успех либеральной демократии определялся конкурировавшей с ней мировой системой социализма. С утверждением западнотской империи с метрополией в США, с победой ее либеральных ценностей в сфере сознания, о которой возвестил всему миру Ф. Фукуяма в своей знаменитой статье «Конец истории?»²⁸, вряд ли в положительном смысле этот «идеальный мир» либерального сознания «определяет, в конечном счете, мир материальный». Мир оказался в ловушке западнизма. Это особенно стало очевидно в условиях разразившегося на Западе современного мирового экономического кризиса, охватившего все страны, в том числе и Россию.

Главными признаками западнизма и западнизации А. Зиновьев называет: разрушение природной и социальной среды, интеллектуальная и моральная деградация, усиление тенденции мракобесия и его научного обслуживания, деградация человечества в менталитетном аспекте, рождение интеллектуально примитивного агрессора. Он дает мрачный прогноз на будущее, согласно которому процесс объединения человечества будет, скорее всего, покорением всего человечества западным миром, и история XXI в. и «по своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого»²⁹.

Пророчества А. Зиновьева о скорой гибели российской цивилизации могут стать трагической явью, если в ближайшем будущем всем здоровым силам разнообразных идеологических направлений общества, национальным патриотам России не удастся объединиться, чтобы вырваться из развращающего влияния господствующей корпорации российской бюрократии, из враждебных нам и всему миру тайных наднациональных сил.

Однако история не безальтернативна. Есть основания быть уверенным, что русский народ, создавший богатейшую культуру общечеловеческого значения, найдет пути, как это было не однажды, для возрождения былого величия России. И социалистическая составляющая (которую М. Вебер рассматривал в своем учении в качестве постоянного фактора развития современной цивилизации) в единстве идейно-

го многообразия российского социума будет играть далеко не последнюю роль.

Примечания

¹ Родился в г. Эрфурте (в Тюрингии) в высокообразованной состоятельной семье юриста-либерала, депутата прусского сейма и рейхстага. Учился в Гейдельбергском, Берлинском и Геттингенском университетах, изучал историю, экономику, философию и теологию. После окончания учебы (1887–1888 гг.) Вебер зачисляется в адвокатский корпус Берлина. В 1891 г., после защиты диссертации «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» Вебер приглашается на должность профессора кафедры факультета права Берлинского университета. В последующие годы работает профессором политической экономики в Фрайбургском и Гейдельбергском университетах. Вместе с В. Зомбартом создает журнал «Архив социальной науки и социальной политики». В 1905 г. русская революция привлекает внимание Вебера, и, чтобы читать в оригинале, он изучает русский язык. В это время он заканчивает работу над книгой «Протестантская этика и дух капитализма». В 1906 г. публикует ряд статей о положении буржуазной демократии и конституционализме в России. В 1908 г. Вебер организует Немецкую ассоциацию социологов и издает серию работ по социальным наукам. В 1915 г. Вебер публикует книгу «Хозяйственная этика мировых религий». В 1916–1917 гг. он выполняет различные официальные миссии в Брюсселе, Вене, Будапеште, убеждая германских руководителей избежать расширения войны, особенно на территорию России. В 1918 г. читает курс лекций по социологии политики в Венском университете и выступает с двумя знаменитыми докладами в Мюнхенском университете: «Политика как призвание и профессия» и «Наука как призвание и профессия». После капитуляции Германии становится экспертом германской делегации в Версале. В 1919 г. принимает участие в подготовке проекта Веймарской конституции. Возглавляя кафедру в Мюнхенском университете, Вебер читает курс лекций под названием «История хозяйства». К осени этого года выходит в свет первая часть книги «Хозяйство и общество», которая останется незавершенной.

² Цит. по: Ковлер А. И. Исторические формы демократии: проблемы полит.-прав. теории. М., 1990. С. 138.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

⁴ Здесь и всюду далее в цитатах выделено автором настоящей статьи.

⁵ См.: Вебер М. Харизматическое господство // Социол. исслед. 1988. № 5. С. 190.

⁶ Weber M. Gesamtausgabe. Tübingen, 1984. Bd. 15, Abt. 1. S. 462.

⁷ Ibid. S. 463.

⁸ Вебер М. Избранные произведения. С. 703.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 270–273.

¹⁰ Спенсер Г. Личность и государство. СПб., 1908. С. 8.

¹¹ Вебер М. Избранные произведения. С. 18, 163.

А. К. Голиков

- ¹² Сущность плебисцитарной демократии хорошо раскрыта в статье А. М. Миграняна «Плебисцитарная теория демократии М. Вебера и современный политический процесс» (Вопр. философии. 1989. № 6. С. 148–157).
- ¹³ Вебер М. Избранные произведения. С. 669–670.
- ¹⁴ Там же. С. 706.
- ¹⁵ Там же. С. 692.
- ¹⁶ Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Наука, 1998. С. 607.
- ¹⁷ См.: Аксаков И. Наше знамя – русская народность / предисл. С. В. Лебедева. М., 2008. С. 9–10.
- ¹⁸ См.: Вебер М. О России. М., 2007. С. 36–38.
- ¹⁹ Аргументы и факты. 2009. № 11. С. 3.
- ²⁰ См.: Макаренко В. П. Толерантность в контексте фундаментализма: аналит. подход // Либеральный консерватизм: история и современность. СПб., 2001. С. 134.
- ²¹ Власть. 2004. № 36. С. 33.
- ²² Это – нападение на нашу страну: обращение Президента России Владимира Путина 4 сентября в связи с трагическими событиями в Беслане // Российская Федерация сегодня: обществ.-полит. журн. Федер. Собрания – Парламента РФ. 2004. № 18. URL: <http://archive.russia-today.ru> (дата обращения: 26.06.2013).
- ²³ Там же. С. 36–37.
- ²⁴ Документы XIII Всекитайского съезда КП Китая. Пекин, 1988. С. 12, 14.
- ²⁵ Гуроров В. А. Макс Вебер и социалистическая традиция // Социология и социал. антропология. 1999. Т. 2, вып. 3. С. 25.
- ²⁶ Новое время. 1990. № 2. С. 25.
- ²⁷ Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М., 2003. С. 225.
- ²⁸ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 143–153.
- ²⁹ Зиновьев А. А. Великий эволюционный перелом // Глобальное общество и Россия: тенденция – эволюции – последствия: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 13.